

ВОЗРОЖДЕНИЕ

« LA RENAISSANCE »

*Литературно-политическія
тетради*

ТЕТРАДЬ ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Сентябрь-Октябрь 1954 года

PARIS

73, av. des Champs-Élysées, (VIIIe)

Tél.: ELYsées 06-03.

О ЧЕХОВѢ

Кажется, что всё мы довольно хорошо знакомы не только с произведениями Чехова, но и с жизнью его. На самом же деле, это вовсе не так. Что мы, собственно, знаем, о Чехове? Полдюжины фактов. Мы знаем, что он родился в Таганроге в 1860 году, что по образованию он был доктором; что страдал туберкулезом; что был женат на О. Л. Книппер; что был добрым и скромным человеком, и умер в Баденвейлере в июле 1904 г. Такое незнание подробностей жизни писателя, который всё как-то особенно дорог, мне хочется объяснить тем, что в до-революционные годы не существовало обстоятельной биографии Чехова. А книги, появившиеся в России после революции, в Европу попадают не часто, а, если и попадают, то получить их не всегда бывает возможно.

Этот пробел ныне заполнен. В 1946 году появилась на французском языке «Жизнь Чехова» Ирины Немировской, а несколько лет спустя и английский перевод этой книги. Почти одновременно с этим переводом «Жизни Чехова» вышел английский перевод воспоминаний о Чехове Лидии Авиловой: «Чехов в моей жизни». Об этих двух произведениях английская печать отзывалась с величайшей похвалой.

Ирина Немировская уроженка Киева. В юности она эмигрировала во Францию; там получила образование и стала французской писательницей. Известный французский драматург Жан-Жак Бернар, написавший предисловие к её «Жизни Чехова», даёт очень лестный отзыв о её литературном дарѣ. Имя Немировской, по его словам, вошло во французскую литературу. Помнится, что в тридцатых годах я прочёл её роман «Давид Гольдер», который произвел на меня хо-

рошее впечатление. В 1942 году Немировская была арестована Гестапо, отправлена в концлагерь, затем увезена из него, и пропала без вести. Четыре месяца спустя был арестован её муж, а потом арестовали и обоих братьев её мужа, которые потом тоже пропали. Живы остались две дочери Немировской. Мир полон таких сирот пишет Бернар. Ведь Гитлер уничтожил 6 миллионов евреев (ни в чем неповинных людей, хочется добавить). Злодеяние, которого не знает история со времени Чингисхана.

С большой теплотой Ж.-Ж. Бернар отзывался в своём предисловии и о Чехове. Франция знала и любила его только сквозь призму его творчества. Благодаря же биографии И. Немировской — пишет Бернар — Чехов стал французскому читателю ещё ближе, ещё дороже: он узнал его, как человека. Постараюсь вкратце передать содержание труда Немировской.

Дед Чехова был крепостным, но за 700 руб. откупился от своего владельца. Он был управляющим украинского имения графини Платовой. Сын его — отец писателя — был лавочником, купцом третьей гильдии. Торговал он чаем, сахаром, кофе, мылом, колбасой и колониальными продуктами. Человек был он властный, и в доме требовал полного подчинения. Чтобы добиться его, он не боялся пускать в ход кулаки. Гнев его могла возбудить всякая мелочь. Пересоленный суп, например, мог послужить поводом домашней сцены, в результате которой мать рыдала, а дети трепетали от страха. Отец Чехова не был жестоким человеком, — говорит Немировская, — только страдания окружающих не трогали его. Когда он был ребёнком, его били. Он от этого хуже не стал. Почему же и ему не бить своих детей? Такова была его философия. Он любил выпить и был в состоянии пить много, не пьяня. Но пьянство его не удовлетворяло. Лавку свою он ненавидел: дела всегда шли плохо. За женщинами он не гонялся. Любил он поёсть и поиграть на скрипке. Однако, и это делал без увлечения. Но без всякой страсти человек жить не может. Страстью Павла Егоровича Чехова оказалась церковь. Он был чрезвычайно набожным человеком. В церкви он был счастлив. Он мог часами стоять на коленях и молиться. А в лавке за это время, дрожа от холода, торговать должны были дети. Если по возвращении его, что-нибудь бывало не в порядке, он хватался за плетку. Не побоев боялся Антоша — будущий кумир всей страны, а унижения. Не всегда отец ходил в церковь один. Он и семью заставлял ходить. Детей он учил петь молитвы и хотел, чтобы они пели в хорѣ. В великие праздники он рано-ранехонько поднимал их с постели и требовал, чтобы они шли к заутренѣ петь. А когда добрые люди замечали, что лишать детей сна вредно для здоровья, он возражал, что в монастырях послушники поют цѣлыми ночами, и великопѣнно себя при этом чувствуют. Служить Богу — повредить не может. Но эту набожность, прививавшуюся детям палкой, Антон Чехов от отца не унаследовал. К церкви, как и к вѣрѣ вообще, он всю жизнь был равнодушен. Равнодушен был и к политикѣ. В гимназии четырнадцатилетние товарищи тайком устраивали митинги, обсуждали политические вопросы, читали с слух запрещенные брошюры, хотели перестроить мир, — Антона все это не занимало.

В семьѣ было шестеро дѣтей: пять сыновей и дочь. Антон родился третьим ребенком. Два брата, Александр и Николай, были старше его. Мать была женщина худая и спокойная. Когда она не была занята в кухнѣ, она сидѣла за швейной машиной: обшивала дѣтей. Отец ея был торговцем, ходил по городам и продавал сукно. Мать Антона Павловича немного гордилась им: Чеховы вышли из крѣпостных, а ея отец был купцом.

Антон был мальчиком бойким, веселым, насмѣшливым. Но счастья он не был. Он любил все красивое, изящное. А его окружала одна грубость. Однажды, — ему тогда было 13 лѣтъ — он попал в театр. Перед ним как бы открылся новый міръ. Он видал и легкія комедіи, и мелодрамы, и водевили. Но увидал и «Ревизора». Ходить в театр запрещено было гимназистам в Таганрогѣ, так что дѣлать это пришлось тайком. Антона очень увлек театр. Он стал писать трагедіи, стал писать и фарсы. Вскорѣ ему самому захотѣлось играть, и он основал любительскій кружок. Ему нравилось гримироваться, намазывать себѣ усы, мистифицировать людей. Раз, одѣвшись нищим, он обошел весь город, прося милостыню. Зашел и к своему дядѣ, который дал ему три копѣйки. За обѣденным столом он придумывал комическія сценки. Как он заливался хохотом! На всю жизнь он сохранил в себѣ этот дар смѣха. Не только «смѣха сквозь слезы», а смѣха обыкновеннаго, безобиднаго, дѣтскаго.

Пора, однако, было подумать о будущем. Антон знал, что на родителей не всегда можно будет разсчитывать. Но какую себѣ выбрать дѣятельность, он не знал. Быть может, удастся подработать себѣ немного денег разсказками. Брату Александру, уже уѣхавшему учиться в Москву, повезло: ему удалось помѣстить кое-что из им написаннаго в журналы. Может быть, и ему это удастся, думал Антон. Конечно, только в видѣ побочнаго заработка. А то вѣдь с голода умрешь.

Когда ему было 15 лѣтъ, он лѣтом гостил у знакомых и выпупался в рѣчку. Вода была очень холодная, и он заболѣл. Его больным привезли в Таганрог. Опасались за жизнь: сдѣлался перитонит. Спас его доктор Штремпер, состоявшій при гимназіи, из русских нѣмцев. От него он услышал о медицинѣ, об естественной исторіи, и рѣшил сдѣлаться врачом.

Отец Антона, Павел Егорович, стал себѣ строить дом. В лавкѣ дѣла шли плохо. Дом еще не был достроен, а денег уже не было. Пришлось занять в банкѣ 500 р. и сдать в домѣ всѣ ненужныя комнаты. У одной соквартирантки, вдовы, было двое дѣтей: сын и дочь. Антон, которому тогда было 16 лѣтъ, сдѣлался репетитором сына, а за дочью ухаживал.

Послѣ брата Александра, и брат Николай поѣхал учиться в Москву. Александру было 20 лѣтъ, Николаю 18. Им недоставало всего. В Таганрогѣ поговаривали о том, что оба брата любили выпивать. Александр писал Антону, что у Николая нѣтъ ни пальто, ни сапог; костюм у него рваный (Николай тогда учился в Академіи Художеств). Отец, услышав об этом, пролил слезу и пробормотал: «устраются».

Банк к сроку потребовал возвращенія 500 рублей. При неуп-

латѣ долга, Павлу Егоровичу грозила тюрьма. Он тайком поѣхал в Таганрог и уѣхал в Москву — сбѣжал. С какой цѣлью он поѣхал в Москву, он сам не знал. В дорогѣ он думал о том, что станет с женой и четырьмя оставшимися дѣтьми. И тут же успокоил себя: устроятся... И они устраивались. Антону пришлось ходить на базар за продуктами. Его маленькій братишка Миша бѣжал за ним вслѣд. Однажды, Антон купил живую утку, горланившую во-всю, когда он ее нес домой. Антон этому был рад: пусть всѣ в городѣ знают, что у них к обѣду будет не что-нибудь, а утка!

Он всегда любил посѣщать кладбища: петербургскія, московскія, итальянскія, провансальскія. А. С. Суворин говорил, что «за границей Чехова больше всего интересовали кладбища и цирки».

Послѣ побѣга отца в Москву, положеніе оставшихся в Таганрогѣ членов Чеховской семьи стало критическим. Один знакомый обѣщал помочь матери и спасти дом. Он и спас его, да только для себя. Уплатив банку слѣдующіе 500 руб., знакомый тот прежних владѣльцев безцеремоннѣйшим образом из дома выставил. Тогда мать забрала младшаго сына Мишу и единственную дочь Марію и укатила в Москву, оставив Ваню с Антошей в Таганрогѣ. Одна родственница сжалась над Ваничкой и приютила его у себя. Антон же оказался предоставленным самому себѣ. В тѣ времена в Россіи — замѣчает Немировская — от мальчика 16 лѣтъ вполне можно было ожидать, что он с собою справится. Если негдѣ было спать, можно было устроиться у кого-нибудь из знакомых. Если нечего было ѣсть у себя дома, можно было питаться у друзей. Лѣтом всегда бывала возможность погостить у товарищей по училищу, а если тот, в свою очередь, уѣзжал гостить к своим знакомым, можно было поѣхать вмѣстѣ с ним, и никто бы этому не удивился.

Новый владѣлец дома Чеховых предложил Антону комнату и стол с тѣм, чтобы он давал уроки племяннику, мальчугану таких же лѣтъ, каких и Антон. Жилось Антону неплохо. Он внезапно обрѣлъ свободу: не надо было бояться плетки отца, не надо было торговать в ненавистной ему лавкѣ, и в церковь его больше никто не гнал. Он ходил в гимназію, давал уроки; читал, ухаживал.

Брат Александр писал ему из Москвы: «Дѣла наши плохи. Мы съѣли всѣ свои деньги. Занял 10 руб. у Миши (двоюроднаго брата, проживавшаго в Москвѣ), но они ушли. Закладывать больше ничего не осталось».

Отец все не мог найти себѣ службы. Каждый день ходил в церковь, а также и на биржу, по старой памяти. Наконец, он нашел себѣ мѣсто конторщика. Однако, долго на нем не продержался. «Мнѣ дали лист бумаги — говорил он — и велѣли писать что-то, а пока я доходил до своего мѣста, я забывал, что надо было написать». А на вопрос Александра, как же они будут жить, он отвѣчал: «Взгляните на птичек небесных: онѣ не сѣют, не жнут, а кормит же их Господь Бог?». Александр и Николай давали уроки и помѣщали рассказы в мелкіе журналы. Марія, которой было 12 лѣтъ, служила прислугой. Николай был лѣнив и пил. Александр сошелся с замужней женщиной, а та возьми да уйди от мужа. Александру и ее пришлось кормить, да еще и сынишку ея. Из-за этого у него бывали

иногда ссоры с семьей. По вечерам отец читал вслух проповеди, которые он покупал по дешевке. Николай в это время писал портрет Миши. Во время чтения отца иногда раздавался голос его: «Боже мой, Мишка, когда ты научишься сидеть смирно. Повернись в три четверти». — Тише, язычники, трембл отец.

Несмотря на нищету, пили. По вечерам приходили в гости все родственники, проживавшие в Москве: мелкие торговцы, приказчики. Взгляды их сводились к следующему: если будем пить, умрем. Если не будем пить, тоже умрем. Значит, лучше пить. И они пили. На столах бывало целое столпотворение бутылок. При этом пились церковные пѣсни. Мужчины, разчувствовавшись, цѣловали друг друга. Потом, вся семья ложилась спать на огромный матрац. Иногда еще и кузина какая-нибудь, и тут же ложился Миша с собачкой. «Жить с ними — каторга, писал Антону Александр. Родители наши — удивительные люди. Ни отец, ни мать никогда не спросят, есть ли у меня деньги, как я их добываю, зарабатываю ли я, и много ли у меня их? Это им неинтересно. Они знают лишь, что каждый мѣсяц, в извѣстный день, я даю им 5 руб. А, кроме того, они еще раз восемь в мѣсяц занимают у меня сколько вздумается: отец и мать ѣсть же должны».

Сколько раз Антон Чехов, впоследствии, повторял эту фразу, когда уже был болѣн, когда ему велѣли отдыхать и говорили, что он пишет слишком много. Он тогда на это спокойно и грустно отвѣчал: «Но вы же знаете, что отцу и матери ѣсть надѣ».

Хотя отец и не был в состояніи кормить своих дѣтей, он все же продолжал проявлять свою власть в качествѣ главы семьи. На стѣнѣ им был повѣшен список домашних обязанностей членов семьи. В этом списокѣ значилось, когда дѣтям надо было вставать, когда ложиться спать, когда ѣсть, когда ходить в церковь и чѣм заниматься в свободное время. Мишѣ Чехову, которому тогда было 11 лѣтъ, и Маріи, которой было 14, надо было ходить в церковь в 7 час. вечера и в 6½ утра, а в праздники — в 9½ час. утра. В концѣ списка значилось: утверждено отцом семьи, Павлов Чеховым. Была еще приписка: «Кто не будет подчиняться этим правилам, тому будет слѣдан строгій выговор, а при повтореніи непослушанія — послѣдует наказаніе. Во время исполненія наказанія, кричать запрещено будет».

11-лѣтній Миша был наказан, т. е. высѣчен отцом за то, что на 8 минут опоздал встать. Был наказан и Ваня: он во время сѣчки до того кричал, что проснулись сосѣди и стали протестовать. В концѣ концов, отец бросил наказывать дѣтей; он понял, что они его начинают осуждать. Ему повезло: он нашел себѣ службу на товарном складѣ за 30 руб. в мѣсяц. Дали ему еще и комнату, в которой он должен был жить. В семьѣ вздохнули: избавились от отца. Появлялся он только по воскресеньям.

Когда Антону исполнилось 19 лѣтъ, он пріѣхал в Москву. Гимназію он окончил и поступил теперь на медицинскій факультет Московскаго университета. Стал студентом. В знак независимости, он опустил себѣ маленькую бородку и стал рѣже стричь волосы. Лицо у него в то время напоминало крестьянское. Взгляд был глубокій и

нѣжный; улыбка немного насмѣшливая. Вместе с ним в Москву пріѣхали его два товарища по гимназіи. Они стали жить в его семьѣ. Это дало Чеховым возможность перебраться в болѣе удобную квартиру. До пріѣзда Антона семья его жила в сыром подвалѣ под церковью (под какой, Немировская не говорит, да это и неважно).

Два старших брата — Александр и Николай — к тому времени отдѣлились от семьи, зажили самостоятельно. Антон в домѣ оказался старшим сыном. И он тут же — почти безсознательно — приступил к тому, что дѣлал всю свою жизнь: к исправленію своего собственного я и к исправленію своих. «Нехорошо лгать, говорил он маленькому Мишѣ. Нехорошо воровать, возражать матери, мучить животных». Не столько слова его производили впечатлѣніе, сколько примѣры, им показываемый. Антон всегда бывал вѣжлив, спокоен, весел, — в одном и то же настроеніи.

Все чеховскія дѣти были людьми крайне способными. Александр писал, Николай был художником, Иван — учителем. Даже маленький Миша зарабатывал: переписывая студентам лекціи. В журналах, в которых печатались рассказы Александра, появлялись карикатуры Николая. Антон учился в университетѣ. Но почему не писать и ему? Таким образом и он смог бы кое-что зарабатывать. И вот, в «Стрекозѣ», небольшом журнальчикѣ, в 1880 году появилось первое напечатанное произведеніе Чехова: «Письмо к ученому сосѣду». (Письмо было написано донским помѣщиком из села «Блины съѣдены»). Подписывался Чехов в своих первых рассказах, как извѣстно, псевдонимом Антона Чехонте. В 1880 году было напечатано 9 его рассказов; в 1881 г. — 13, а в 1885 г. — 129 рассказов и статей.

Случайное знакомство с Лейкиным, издававшим в то время журнал «Осколки», дало Чехову возможность помѣщать свои произведенія в нѣсколько болѣе солидном органѣ. Он воспрянул духом. А в мартѣ 1886 года пришло письмо от Григоровича. Письмо, полное похвалы, но и с наставленіем: Григорович убѣдительно просил Чехова ограничить свою продуктивность, пріостановить торопливую работу и сосредоточиться на каком-нибудь болѣе крупном произведеніи и т. п. Если он бѣден, то пусть лучше поголодает, как это всѣм нам приходилось, добавляет он. Произведеніе, написанное не сразу, тщательно продуманное, словом написанное не спѣша, будет болѣе оцѣнено читателями, нежели сотни, наскоро написанных мелких рассказов. Письмо Григоровича не только несказанно обрадовало Чехова, оно его ошеломило. Отвѣчая, он писал, что не находит слов благодарности и признался, что никогда к своему писательскому труду серьезно не относился. Он не помнит ни одного рассказа, над которым он бы работал болѣе одного дня. А «Егеря», который так понравился Григоровичу, написан им в ваннѣ.

Не только Лейкин обратился к Чехову с просьбой присылать ему рассказы, но вскорѣ и Суворин предложил ему сотрудничать в «Новом Времени».

Чехов принял к сердцу совѣтъ Григоровича и он, на время, бросил писать свои коротенькіе рассказы и перешел к болѣе длинным. Одним из первых оказалась «Степь». Максим Горькій сказал о ней:

«А. П. Чехов «Степь» свою точно цвѣтным бисером вышил». Это — подлинныя слова Горькаго, которые я нашел в книгѣ «М. Горькій и А. П. Чехов. Сборник матеріалов. Москва. 1951 г.». И в ней же я нашел еще эти слова Горькаго о «Степи» в «О Чеховѣ» можно написать много, но необходимо писать о нем очень мелко и четко, чего я не умѣю. Хорошо бы написать о нем, так, как сам он написал «Степь» — рассказ ароматный, легкій и такой, по-русски, задумчиво-грустный. Рассказ — для себя».

«Степь» понравилась и публикѣ. А в то же самое время «Иванов», первая пьеса Чехова, поставленная в Москвѣ, в театрѣ Корша, провалилась. И с треском. А год спустя она в петербургском Александринском Театрѣ имѣла потрясающій успѣх. 17 февраля 1889 г. Чехов писал: «Мой «Иванов» продолжает имѣть колоссальный успѣх. В Петербургѣ теперь двѣ знаменитости: «Фрина» Семирадскаго — голая, и я — одѣтый». (Думается, что я правильно перевел с французскаго слова Чехова об успѣхѣ «Иванова». Немировская пользуется прилагательными «colossal, phénoménal», о которых вряд ли кто-либо, при аналогичных условіях, подумал, если бы дѣло не касалось перевода).

Понравились и рассказы «Огни» и «Именины». Чехов получил половину Пушкинской преміи (кто получил другую, Немировская не говорит). Он в русской литературѣ занял видное мѣсто. Друзья его поздравляли. Были довольны, что он бросил только смѣшить читателя, что перешел к болѣе серьезным темам. Антон Павлович молча выслушивал комплименты и — стал писать «Медвѣдь». В том же московском театрѣ Корша, в котором провалился «Иванов», «Медвѣдь» имѣл такой огромный успѣх, что Чехов в первый раз в жизни вздохнул с облегченіем, так как почти на цѣлый год избавился от матеріальных забот.

Три года подряд Антон Павлович лѣто проводил со своими в Бабкинѣ, под Москвой. В 1888 году он за сто рублей снял небольшой домик близ Сум, в Харьковской губерніи, расположенный на берегу рѣки, в глубинѣ парка большого имѣнія. Владѣльцы этого имѣнія были люди просвѣщенные. Увлекались Шопенгауэром и — Чеховым. Антон Павлович наслаждался тишиной, заброшенным парком и ароматом окружавших его полей. В комнатѣ, в которой он спал, между окном и ставнями свил себѣ гнѣздо соловей. Хозяева имѣнія не только к нему, но и к семьѣ его относились отлично. Дамы слегка с ним кокетничали. Но, как многіе из его героев, он для них оставался загадкой. Он был скрытен, молчалив, чуть-чуть холоден, хотя и неизмѣнно любезен. Вообще, если он увлекался, то лишь мимолетно. (О Лидіи Авиловой — рѣчь впереди).

Лѣто 1889 года, проведенное в том же украинском имѣніи, омрачилось смертью брата Николая, умершаго от туберкулеза. Антон Павлович очень его любил, считал его талантливым художником.

Через год послѣ смерти брата, он уѣхал на остров Сахалин. Когда его спрашивали, почему он ѣдет, он отвѣчал, что хочет пожить полгода, как еще не жил до сих пор.

Выѣхал Чехов в 1890 году. Сибирской железной дороги еще не

существовало. Надо было ѣхать в повозкѣ. Путешествіе казалось безконечным. Несмотря на май мѣсяц, в Иркутскѣ шел снѣг; было невѣроятно холодно. Рѣки выступали из берегов и наводнили дорогу. Повозку приходилось ставить на баркас. Во время переезда из Томска в Красноярск грязь была непролазная. Насчет ѣды в дорогѣ было плохо, зато водка продавалась повсюду и в большом изобиліи. Вскорѣ послѣ Красноярска зима кончилась. Началась жара. Чехов очень страдал от нея, как и от жажды, пыли и комаров. Но он наслаждался красотой лѣсов, тянувшихся верстами и называвшихся, как извѣстно, тайгой. (Тайга по-якутски — лѣс).

Антон Павлович в душѣ надѣялся, что поѣздка его, или, вѣрнѣе, то, что он напишет о ней, сможет повліять на обращеніе с ссыльными, считавшееся чрезвычайно крутым.

На Сахалинѣ власти к Чехову отнеслись хорошо. Ему было разрѣшено посѣщать тюрьмы, разговаривать с заключенными, за исключеніем политических, и даже присутствовать при наказаніях. Ссыльных били розгами, — и стариков, и женщин, даже беременных. Иные привыкли к наказаніям, другіе лишались разсудка или умирали. Послѣ присутствія при нѣкоторых расправах, Чехов не мог спать в теченіе трех ночей напролет.

Среди ссыльных были русскіе, татары, евреи и поляки. Много было виновных, но и много невинных. Были среди них и сумасшедшіе, и пьяницы, совершившіе преступленія либо в припадкѣ бѣшенства, либо в пьяном видѣ, и часто не знавшіе, за что именно они сосланы.

Чехов знакомился с тюремными сторожами. Иногда это были грубые невѣжды, иногда садисты, а иногда добрые люди, не бывшіе, однако, в состояніи облегчить судьбу ссыльных.

В повѣствованіи, написанном по возвращеніи, чувствуется, что автор старался говорить обо всем видѣнном на Сахалинѣ и обо всем, там испытанном, как можно сдержаннѣе: как свидѣтель, как врач. Он надѣялся, что такой подход к изложенію сильнѣе подѣйствует на воображеніе читателя, чѣм рѣзкое осужденіе палачей. Публика прочла об этом, возмутилась слегка и... забыла о прочитанном. Чехов же понял, что его путешествіе и всѣ, в связи с ним перенесенныя испытанія — нравственныя и физическія, — никакой пользы не принесли. Он понял, что трудно писателю «учить», как это хотѣлось Толстому. Правда, он это знал и раньше. Говорил же он, что, когда пишешь о конокрадах, то нечего говорить о том, что дурно красть лошадей. Теперь он в этом убѣдился окончательно. И он рѣшил в своем творчествѣ ограничиваться лишь ролью свидѣтеля.

Домой Антон Павлович вернулся через Гонконг, Сингапур и Индію. Заѣхать в Японію не удалось так как там свирѣпствовала холера. От о. Цейлона, гдѣ, по преданію, было мѣстонахожденіе рая, он пришел в восторг. И он написал Суворину, что, если у него когда-нибудь будут дѣти, то он не без гордости скажет им: «У меня когда-то, сукины дѣти, была связь с черноглазой индуской в коко-совом лѣсу, при лунном свѣтѣ».

«Fils de chienne, j'ai eu en mon temps une liaison avec une Hindoue aux yeux noirs...»)

И он добавляет: «Мир прекрасен. Одно лишь плохо в нем, это мы». И Немировская правильно замечает, что в этом соединении шутки с такой разочарованностью — весь Чехов.

Антон Павлович остался очень доволен своим путешествием. Он утверждал, что уже ничего не желает: он побывал в аду (Сахалин) и в раю (о. Цейлон). (Письмо Щеглову, от 10-XII 1890 г.).

Весною 1891 года Суворин-отец предложил Чехову поехать вместе с ним за границу. Они посетили Вѣну, Венецию, Флоренцию, Рим, Неаполь, Ниццу и Париж. Чехов в Европѣ еще не был. Вначале все ему нравилось, 6-ти и 7-этажные дома в Вѣнѣ, тамошние магазины, в которых можно было узрѣть «столько удивительных вещей, сделанных из бронзы, фарфора и кожи; красивые нарядные женщины». А о Венеции он писал, что города красивѣе ея он не видал. «Гонимы, тихо, спокойно, звѣзды блещут... Русский человек в этом мирѣ красоты может лишиться разсудка. Хотѣлось бы остаться здѣсь навѣки. А когда стоишь в церкви и слышишь орган, хочется стать католиком. И плакать хочется, потому что во всѣх углах слышатся музыка и дивное пѣніе...».

Но уж Рим и Флоренція наводили на него скуку и утомляли его. Антона Павловича потянуло в Россію, захотѣлось щей с кашей. В Монте-Карло он придумывает систему безошибочнаго выигрыша и — проигрывает всѣ свои деньги. «Боже, до чего противна мнѣ эта жизнь со всѣми своими артишоками, пальмами и ароматом духов», — писал он. «Я люблю роскошь и богатство, но «*ce luxe de la roulette*» на меня производит впечатлѣніе роскошной уборной». (Может быть, Чехов написал «роскошнаго сортира — это звучит болѣе красочно»). «В общем, — писал он сестрѣ, — Рим похож на Харьков, а Неаполь грязен».

Немировская от критики вышеупомянутых строк воздерживается. Но сдѣлать это трудно. Читая о заграничных впечатлѣніях Чехова, не вѣрится, что пишет взрослый человек. А о большом писателѣ забываешь совершенно. Чехов скучал в музеях потому, что он, очевидно, еще не научился всматриваться в произведенія искусства, разбираться в различных школах живописи и скульптуры. Как сначала надо научиться слушать музыку, так сначала надо приучить глаз к воспріятію красоты, будь то красота природы или красота, произведенная художником. «Рим похож на Харьков. Неаполь грязен». Гдѣ же Рим похож на Харьков? А грязь Неаполя вѣдь только явленіе побочное, привходящее, не основное. Вѣроятно, Чехов под конец поѣздки просто устал и был не в духѣ. Нельзя забывать и того, что он тогда уже не был здоровым человеком. Признаки роковой болѣзни стали у него показываться рано.

Это Париж Чехову понравился. «Французы — отличный народ, говорит он (*un peuple excellent* — перевела Немировская). Все же его и здѣсь тянуло домой.

На печаткѣ у Чехова было вырѣзано: «Одинокому — вездѣ пустыня». (Подлинныя слова, найденныя мною тоже в уже упомянутом московском сборникѣ матеріалов). Чехов мечтал об этой пу-

стынѣ, извѣздил ее вдоль и поперек, но гдѣ бы он ни был, всегда его тянуло в Москву.

Болѣе длинные рассказы, которые Чехов теперь почти только и писал, имѣли большой успѣх. Особенно на шумѣла повѣсть «Палата № 6». В ней он окончательно освободился от вліянія Льва Толстого, под которое он одно время подпал. Будучи врачом, Чехов не в состояніи был презирать науку и прогресс, как это дѣлал Толстой. Ему казалось, что человек, использовавшій силу пара, больше сдѣлал для человечества, чѣм если бы он отказался ѣсть мясо и вел цѣломудренную жизнь. Многие во время появленія «Палаты» думали, что это аллегорія: Палата, мол, это Россійская имперія; грубый и беспощадный сторож — ея вастелин, а безвольный врач — вся русская интеллигенція! На основаніи этого убѣжденія руководители СССР утверждают, что, если бы Чехов был жив, то он сдѣлался бы марксистом!

Несмотря на успѣх, Антон Павлович счастлив не был. Он думал, что его не понимают и не любят; что жизнь его бесполезна. За чѣм писать? — говорил он. Из-за денег? Да у него их все равно никогда не бывало. И он уединился в деревню.

С дѣтских лѣтъ он мечтал о своем собственном углѣ. Теперь он купил себѣ «Мелихово» (Ст. Лопасня, Моск. губ.).

Толстой учил, что собственность — зло. Для Чехова она была радостью. Когда он поселился в Мелиховѣ, все там было покрыто льдом и снѣгом. Дом стоял как бы посреди маленькой Сибири. Семья была разочарована. Но она давно уже отказалась понимать Антона Павловича. Сам же он был доволен, что будет жить в глуши. Вставал он рано, в 4 часа утра. Чистил двор, разламывал лед. На дворѣ он рѣшил насадить фруктовых деревья, разбить сад. Два пса его, Хина и Бром, ни на шаг от него не отходили. В 12 час. был завтрак. Послѣ него полагался отдых. Затѣм Антон Павлович писал до вечера. «В литературѣ то хорошо, писал он Суворину, что можно цѣлыми днями сидѣть с пером в рукѣ, не замѣчая, как проходит время, и все же чувствовать что-то, похожее на жизнь. Поздно вечером Антон Павлович все еще сидѣл и писал, а отец его пѣл вполголоса церковныя пѣсни или бормотал молитвы. Измѣнившіяся условія жизни преобразили старика Павла Егоровича. Никто бы в нем теперь не узнал бывшего деспота, с кулаками, всегда готовыми к удару. Антон Павлович был почтительным сыном, но и прошлаго забыть не мог: тяжелого дѣтства, порки; и раздражал его, вѣроятно, отец изрядно. В письмѣ от 11 марта 1897 г. он писал брату Александру: «За столом сегодня Виссаріон говорил, что люди без образованія лучше образованных. Когда я вошел, он замолчал». (Виссаріоном братья с дѣтства называли между собой отца). Остальные члены семьи обожали Антона Павловича, и в то же время, сами того не замѣчая, всячески отравляли ему жизнь. От этого непониманія домашних Чехова спасали его любовь к природѣ. Развлекала его и рыбная ловля. Он мог часами сидѣть у пруда с удочкой в руках. Но, однажды, случайный посѣтитель, к величайшему своему удивленію, установил, что в пруду этом рыба вовсе не водится!

В Мемуарах были и рассказы о замечательных рассказах: «Мужики» и «В оврагъ». Интеллигенции вряд ли понравились чеховскія описанія крестьян, предполагает Немировская. Мужика в русской литературѣ принято было идеализировать. Мужик нуждался в своей святой — говаривали Тургенев и Толстой. Свобода крестьянам была дана, как извѣстно 19 февраля 1861 г. (Лучше поздно, чѣм никогда, только и можно сказать). А затѣм все осталось по-старому. Мнѣ еще и до революціи казалось, что правящіе круги, как в царствованіе Александра III, так и Николая II, включая и августѣйших правителей, положительно боялись пробужденія крестьян и нарочно задерживали их развитіе, что, разумѣется, в недалеком будущем и имѣло свои соотвѣтствующія послѣдствія...

Чехов знал мужика. И в нем самом вѣдь текла крестьянская кровь. Он знал, что интеллигенція ошибается. Русскій мужик святым не был. Среди крестьян несомнѣнно было много добрых людей. Но сколько было и жестоких, и грубых. И при каких ужасных условіях иные из них жили. Как били они жен своих и животных!

Немировская приводит нѣсколько цитат из «Мужиков». В этом рассказѣ лакей Николай Чикильдѣев, служившій в московской гостиницѣ «Славянской базар», по болѣзни должен был оставить мѣсто и рѣшил вернуться в деревню. «Войдя в избу, он даже испугался: так было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшій с ним жена Ольга и дочь Саша с недоумѣніем поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не пол избы, темную от копоти и мух. Печь покосилась, бревна в стѣнах лежали криво и казалось, что изба сію минуту развалится. В переднем углу, возлѣ икон, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги, — это вмѣсто картин! Бѣдность, убогость! Из взрослых никого не было дома, всѣ жали. На печи сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, блѣдоголовая, немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедших».

Я выписал больше, чѣм слѣдовало. Немировская в цитатѣ своей упоминает лишь о покосившейся печи, о мухах, о бѣдности и о том, что изба каждую минуту могла развалиться. Но мнѣ хотѣлось полностью привести описаніе того, что увидали вошедшіе в избу городскіе жители.

А затѣм слѣдуют первыя слова о жестокости нравов. «Внизу терлась о рогац бѣлая кошка. — Кис, кис! поманила ее Саша. Кис! — Она у нас не слышит, сказала дѣвочка. Оглохла. — Отчего? — Так. Побили. (Рогац — слово областное. Это большой ухват, которым в печь сажают горшки).

Желая пояснить эфемерность вѣры у крестьян, Немировская приводит слѣдующія строки: «Марья и Фекла» (двѣ молодыя бабы) крестились, говѣли каждый год, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили о Богѣ, не внушали никаких правил и только запрещали в пост ѣсть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало, кто вѣрил, мало кто понимал. В то же время всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книг, некому было читать и объяснять».

Вот и всѣ цитаты, которыя приводит Немировская. Но ограничиться ими мнѣ не хочется.

Жуткое впечатлѣніе производит возвращеніе домой Кирьяка, который, когда бывал пьян, шумѣл и бил жену без пощады.

— Марья! — раздался крик у самой двери.

— Вступитесь Христа ради, родименькіе, — залепетала Марья, дыша так, точно ее опускали в очень холодную воду, — вступитесь, родименькіе!

«Заплакали всѣ дѣти, сколько их было в избѣ, и, глядя на них, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и в избу вошел высокій, чернобородый мужик в зимней шапкѣ, и оттого, что при тусклом свѣтѣ лампочки не было видно его лица, — страшный. Это был Кирьяк. Подойдя к женѣ, он размахнулся и ударил ее кулаком по лицу. Она не издала ни звука, сшеломленная ударом, и только присѣла, и тотчас же у нея из носа пошла кровь».

О том, как Кирьяк бил свою жену автор «Мужиков» упоминает еще раз, в связи с пьянством, царившим в деревнѣ:

«На Илью пили, на Успеніе пили, на Воздвиженіе пили. На Покров в Жуковѣ был приходскій праздник, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественных денег и потом еще со всѣх дворов собирали на водку. Кирьяк всѣ три дня был страшно пьян, пропил все, даже и шапку и сапоги, и так бил Марью, что ее отливали водой. А потом всѣм было стадно и тошно».

О бѣдности в деревнѣ можно судить по слѣдующим строкам:

«По случаю праздника купили в трактирѣ селедку и варили похлебку из селедочной головки. (Прошу обратить вниманіе на единственное число!). В полдень всѣ сѣли пить чай, и пили его долго, до пота, и, казалось, распухли от чая и уже послѣ этого стали есть похлебку, всѣ из одного горшка. А селедку бабка спрятала» (!).

«По случаю гостей поставили самовар. От чая пахло рыбой, сахар был огрызанный, сѣрый; по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы».

А бранились как!

«В трактирѣ и около шумѣли мужики; они пѣли пьяными голосами, всѣ врозь, и бранились так, что Ольга только вздрагивала и говорила: «Ах, батюшки!»

Ее удивляло, что брань слышалась непрерывно и что громче и дольше всѣх бранились старики, которым пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что онѣ привыкли к ней с колыбели».

Насчет грамотности и вѣры было в Жуковѣ плохо.

«Марья сказала, что она никогда не бывала не только в Москвѣ, но даже в своем уѣздном городѣ; она была неграмотна, не знала никаких молитв, не знала даже «Отче наш». Она и другая не вѣстка Фекла, которая теперь сидѣла поодаль и слушала, — обѣ были крѣпе неразвиты и ничего не могли понять».

«Старик не вѣрил в Бога, потому что никогда не думал о Нем; он признавал сверхестественное, но думал, что это может касаться одних лишь баб, и когда говорили при нем о религіи или чудесном

и задавали ему какой-нибудь вопрос, то он говорил нехотя, почесываясь: «А кто же его знает?».

В избѣ старосты... на самом видном мѣстѣ, около икон, висѣлъ портрет Баттенберга, бывшаго болгарскаго князя. А когда старику-отцу прїѣхавшаго из Москвы бывшаго лакея Николая пришлось однажды быть у старосты, то автор об этом говорит:

«Старик помолился на Баттенберга, портрет котораго он, очевидно, принял за икону».

Ольга каждый день читала Евангеліе. Читала вслух, по-дьячковски, и многого не понимала, но святыя слова трогали ее до слез, и такія слова, как «аще» и «ондеже» она произносила со сладким замираніем сердца» (т. е. она воспринимала Евангеліе, как музыку слов).

Муж Ольги, Николай, прїѣхавшій в деревню лѣчиться и отдохнуть, скончался: выкrest, очевидно, шарлатан какой-то, поставил ему банки («двѣнадцать банок и потом еще двѣнадцать»), извлекшія из него всю кровь. Ольга рѣшила вернуться с дочерью в Москву и поступить там в горничныя. Отправились они пѣшком, «с котомками на спинах, обѣ в лаптях». В дорогѣ Ольга стала вспоминать о времени, проведенном в деревнѣ.

«В теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда казалось, что эти люди живут хуже скотов, жить с ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живут несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважают, боятся и подозрѣвают друг друга. Кто держит кабак и спивает народ? Мужик. Кто растрчивает и пропивает мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужик. Кто украл у сосѣда, поджег, ложью показал на судѣ за бутылку водки? Мужик».

Но у Ольги душа добрая. Она сочувствует крестьянам, и в ниже приводимых словах ее нетрудно угадать мысли самого автора:

«Да, жить с ними было страшно, но все же они люди, они страдают и плачут как люди, и в жизни их нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданіе. Тяжкій труд, от котораго по ночам болит все тѣло, жестокия зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ее. Тѣ, которые богаче и сильнѣе их, помочь не могут, так как сами грубы, нечестны, нетрезвы и сами бранятся также отвратительно; самый мелкій чиновник или приказчик обходится с мужиками, как с бродягами, и даже старшинам и церковным старостам говорит «ты» и думает, что имѣет на то право».

«Мужики» написаны в 1897 году, когда Чехову было 37 лѣт. На 20 страницах большого формата автор дает исчерпывающую — но какую жуткую — картину крестьянской жизни в до-революціонной Россіи. Разсказ слѣдует отнести к лучшим им написанным. Впечатленіе он производит огромное.

Крайне интересно было прочесть в біографіи Немировской о том, что побудило Чехова написать «Чайку». Он, однажды, охотился с художником Левитаном, с которым был дружен. Случилось так, что Левитан неудачным выстрѣлом ранил какую-то птицу с длинным клювом и большими черными глазами. Птица упала к ногам художника и с удивленіем глядѣла на него — разсказывал Антон Павлович. Левитан поморщился, отвел глаза и попросил Чехова при-

кончить птицу. — Не могу, отвѣтил Антон Павлович. А птица продолжала с удивленіем смотрѣть на охотников. В концѣ концов Чехов убил ее. Одним красивым существом из свѣта стало меньше, — писал он 18 іпрѣля 1892 г. А два дурака пошли домой и сѣли обѣдать. В то лѣто у Антона Павловича гостило много народу. Гуляли, пѣли, флиртовали. Эти прогулки и бесѣды в теплыя весеннія лунныя ночи, влюбленныя барышня, и никчемная смерть раненой птицы с удивленными глазами — нашли себѣ отраженіе в «Чайкѣ». — Я ее начал фортиссимо, — писал впоследствии автор, — а закончил пианиссимо. Получилась повѣсть. Перечитывая свою новорожденную пьесу — я убѣдился, что я не драматург.

О провалѣ «Чайки» на первом представленіи ее в петербургском Александринском театрѣ в 1896 году и об ея успѣхѣ в московско Художественном театрѣ два года спустя, писать не приходится, все это хорошо извѣстно. Послѣ петербургской премьеры «Чайки» Антон Павлович уѣхал в Мелихово и поклялся никогда больше не писать для театра. Когда Толстой прочел «Чайку», он сказал: «Пьеса ничего не стоит. Это будто драма Ибсена!». (Извѣстно также, что он, когда-то обнявъ Чехова при прощаніи, шепнул ему на ухо: «Вы знаете, что я не люблю Шекспира, но Ваши пьесы еще хуже!»).

В деревнѣ Антон Павлович на свои средства основывал школы, содѣйствовал исправленію дорог, лѣчил крестьян. Хоть и боялся по ночам звука подѣзжающих колес — как бы не вызвали к больному, — но сейчас же вставал, когда это требовалось. Лѣчить он считал своим срытым долгом, от котораго никогда не отказывался.

А состояніе собственнаго здоровья, между тѣм, все ухудшалось.

В 1897 году он как-то был в Москвѣ. Суворин пригласил его пообѣдать с ним. Прїѣхав в ресторан, Антон Павлович плохо себя почувствовал, стал харкать кровью. Ему пришлось лечь в больницу. Когда его спрашивали, как он себя чувствует, он отвѣчал: Ничего, и мѣнялъ разговор. На свое здоровье он никогда не жаловался. Когда ему стало немного лучше, врачи посоветовали перемѣну климата. Он уѣхал в Біарриц, но погода там была скверная и он оттуда поѣхал в Ниццу, гдѣ провел всю зиму. «Когда я говорю по-французски или по-нѣмецки, трамвайные кондуктора смѣются. А ѣзда в Парижѣ с вокзала на вокзал мнѣ напоминает игру в жмурки».

Жить долго за-границей Антону Павловичу было тяжело. Его тянуло в Россію. В октябрѣ 1898 г. умер его отец. Он продал «Мелихово» и переселился в Ялту.

Чехов любил женщин, но жениться боялся. Ему хотѣлось, чтобы жена находилась в нѣкотором от него отдаленіи. — Пусть она, как луна, не всегда виднѣться будет на моем горизонтѣ. Пусть она будет в Москвѣ, а я в деревнѣ. — Немировская полагает, что женщины того времени пугали Чехова. Онѣ все хотѣли казаться другими, чѣм были. Хотѣли казаться непонятыми, стремящимися к какому-то неопредѣленному идеалу. А как только женщины начинали говорить «а ля Чехов», как она выражается, т. е. в жизни играть роль Нины из «Чайки», то он уходил в себя, замыкался.

Прелестен разговор между Антоном Павловичем и посѣтившими его дамами, который Горькій передает в «Матеріалах». Хотя он и не относится к біографіи Чехова Немировской, мнѣ все же хочется привести его здѣсь. Больно уж он сюда подходит.

«Однажды его посѣтили три пышно одѣтыя дамы, наполнив его комнату шумом шелковых юбок и запахом крѣпких духов; онѣ чинно усѣлись против хозяина, притворились, будто бы их очень интересует политика и начали ставить вопросы:

— Антон Павлович! А как Вы думаете, чѣм кончится война?

— Вѣроятно, миром.

— Ну, да, конечно. Но кто же побѣдит? Греки или турки?

Домик Чехова в Ялтѣ в настоящее время.

— Мнѣ кажется, побѣдят тѣ, кто сильнѣе...

— А кто, по-вашему сильнѣе? — наперебой спрашивали дамы.

— Тѣ, которые лучше питаются и болѣе образованы...

— Ах, как это остроумно! — воскликнула одна.

— А кого Вы больше любите, греков или турок? — спросила другая. Антон Павлович ласково посмотрѣл на нее и отвѣтил с кроткой, любезной улыбкой:

— Я люблю мармелад... а Вы любите?

— Очень! — воскликнула дама.

— Он такой ароматный — солидно подтвердила другая.

И всѣ три оживленно заговорили, обнаруживая по вопросу о мармеладѣ прекрасную эрудицію и тонкое знаніе предмета. Было очевидно, что онѣ очень довольны тѣм, что не нужно напрягать ум и притворяться серьезно заинтересованными турками и греками, о которых онѣ до этой поры и не думали.

Уходя, онѣ весело общались Антону Павловичу:

— Мы пришлем Вам мармеладу.

— Вы славно бесѣдовали, — замѣтил я, когда онѣ ушли.

Антон Павлович тихо разсмѣялся и сказал:

— Нужно, чтобы каждый человек говорил своим языком.

Чеховым весьма заинтересована была Комиссаржевская. На репетиціи «Чайки» в Александринском театрѣ он как-то подошел к ней и сказал: «У моей Нины были такіе глаза, как у Вас». Впоследствии Вѣра Федоровна, узнав о болѣзни Чехова, написала ему и посоветовала поѣхать к доктору Васильеву в Ростов-на-Дону, он его выѣхал. Сдѣлайте это для меня — добавила она. Чехов поблагодарил ее за письмо и совет, но в Ростов, разумѣется, не поѣхал. На фотографіи, которую она послала ему, она написала слѣдующіе строки из своей роли в «Чайкѣ»:

«Хорошо было прежде. Какая ясная, теплая, радостная, чистая жизнь; какія чувства, — чувства, похожія на нѣжные, изящные цвѣты».

Снова они встрѣтились когда Комиссаржевская гастролировала в Крыму. В Гурзуфѣ они вмѣстѣ гуляли по пляжу. На слѣдующій день Чехову надо было уѣхать. «Не уѣзжайте, — сказала ему Вѣра Федоровна. Он попросил ее прочесть ему что-нибудь, и долго слушал ее чтеніе. Шумѣли волны. Дул сильный вѣтер. Антон Павлович слушал, а думал, вѣроятно, о той женщинѣ, в которую он тогда был влюблен, — добавляет Немировская. — Останьтесь, еще раз сказала Комиссаржевская. Она прочла ему монолог Нины из перваго акта «Чайки», стихи Пушкина, кое-что из своих ролей. Чехов поцѣловал ее руку и сказал: я остаюсь. А на слѣдующій день он уѣхал. На фотографіи, которую она попросила дать ей, он написал: «Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской (не хочу перевода его слов, переводя с французскаго, а потому привожу текст перевода чеховских слов, который вычитал у Немировской) le 3 août, un jour de tempête, au bruit de la mer, de la part du calme Anton Tchekov.»

Вряд ли таких слов она ожидала.

Четыре дня спустя Вѣра Федоровна послала ему телеграмму. Ждала его два дня; уѣзжает в Ялту, увидит ли она его, и попросила отвѣтить. Антон Павлович отвѣтил, что в Ялтѣ холодно, что море злое, пожелал ей добраго здоровья, счастья и попросил не сердиться на него.

Вспоминается французскій стишок неизвѣстнаго автора, встрѣчающійся у Мережковскаго в его романѣ «14-е декабря»:

Le plus charmant amour
Est celui
Qui commence et finit
En un jour.

Ясно, что отношеніе к ней Чехова должно было разочаровать Комиссаржевскую; может быть, даже обидѣть... Три года спустя, когда Антон Павлович уже был женат, она обратилась к нему с просьбой разрѣшить ей поставить в своем петербургском театрѣ «Вишневый сад». Чехов разрѣшенія не дал: этот театр и мѣсяца не продержится, писал он женѣ. (Он просуществовал пять лѣтъ).

В Ольгѣ Леонардовнѣ Книппер Антон Павлович нашел женщи-

на, на которой не побоялся жениться. Она не только преклонялась перед ним, как писателем, она не забывала, что этот писатель в то же время и человек, любящий пошутить и поговорить о тривиальностях жизни. Она ему рассказывала о своих товарищах по сцене, о новом платье, о вкусном винегрете, который она где-то ела. Словом, говорила не об одном искусстве. С другой стороны, она и его не развлекала только о его литературной деятельности, но и о том, хорошо ли чистят его костюмы, ест ли он с аппетитом, и как у него растут в саду посаженные им цветы и деревья. Часто она и смущала его.

19 апреля 1901 г. Антон Павлович написал Ольгу Леонардовну, что он согласен обвенчаться с ней в день своего приезда в Москву, если она даст ему честное слово, что ни одна душа об этом знать не будет. До того он боялся, сам не зная почему, и самого венчания, и подражаний, и что «надо при этом держать в руках бокал шампанского и слегка улыбаться. Ввиду этого, на бракосочетании присутствовали лишь четыре свидетеля, без которых оно и состояться не могло. После свадьбы молодые отправились на Волгу, где провели весну в санатории, а потом поехали в Ялту. Осенью Ольга Леонардовна, к началу театрального сезона, вернулась в Москву.

Началась та жизнь, о которой Антон Павлович, в сущности, мечтал: «Жена в Москве, а я где-нибудь в деревне». Однако, став действительностью, жизнь эта обоим по сердцу не пришлась. «Не наша вина, писал Чехов жене, что нам жить вместе не приходится. Это вина демона, вселившего в меня бациллы, а в тебя любовь к искусству».

Чехов жил в Ялте в небольшом доме, который он себе построил на пыльной улице. За ним смотрела старуха мать и прислуга в почтенном возрасте. Одной было 70 лет, другой 80. Иногда Антон Павлович целыми днями неподвижно сидел в кресле, прикрыв глаза. Мать его, зная, что он не любит говорить о своем здоровье, порой не выдерживала и робко спрашивала о нем. Антон Павлович отвечал, что у него немного болит голова.

Ольга Леонардовна репетировала в Москве, играла, имела успех, бывала на вечерах, веселилась, ездила с труппой Художественного театра в Петербург, где московских артистов чествовали, баловали. Ей эта жизнь нравилась. Она не смогла бы от нея отказаться. Да муж этого и не хотел, хотя иногда и надбился, на это в душе. В Европе это бы не случилось, говорит Немировская. В России же было явлением естественным: жена такой же человек, как и муж, она должна жить полной жизнью, т. е. такой жизнью, для которой она создана.

В те годы, в те короткие годы, когда он был женатым человеком, Чехов работал над «Вишневым садом». Ему в Художественном театре не приходилось присутствовать на премьерах ни «Чайки», ни «Дядя Ваня», ни «Трех сестер». На премьеру же «Вишневого сада» он поехал в Москву. Она состоялась 17 января 1904 г., когда жить ему оставалось всего полгода. Она превратилась в триумф, как для писателя, так и для человека. Вся Россия чтит в нем не только большого художника, но и исключительного по чистоте че-

ловка. Известно было, с каким самозабвением он в Мелихово лечил крестьян во время эпидемии холеры; что он в Ялте, не будучи состоятельным человеком, постоянно помогал нуждающимся и страждущим больным. Не было забыто и то, что он отказался быть членом Академии после того, как правительство, по политическим соображениям, воспротивилось зачислению в члены ее Максима Горького. Во время вызовов Антон Павлович еле держался на ногах, но сел в кресло, вынесенное на сцену, отказался. Тогда из публики раздались возгласы: «Садитесь! Отдохните, Антон Павлович!» И его пришлось усадить силой.

В начале лета того же года он с женой поехал в Баденвейлер — небольшой курорт в Шварцвальде (южная Германия), откуда ему вернуться уже не пришлось. О жене он там заботился гораздо больше, чем о себе. Он хотел, чтобы она совершала прогулки, чтобы ходила обедать в общую столовую. Но большей частью ни он, ни она не слышали гонга, призывавшего к обеду гостей. Для своего развлечения Антон Павлович намечал план рассказа. Ему хотелось описать жизнь в элегантном курорте, со множеством посетителей, среди коих находились бы краснощекие американцы и англичане, все любящие хорошо покушать. И вот, когда они однажды возвращались бы с прогулки, веселые, беззаботные, проголодавшиеся, управляющий гостиницы должен был сообщить им, со всякими извинениями, что исчез повар и обед не будет. (Невольно вспоминается рассказ «Лев и солнце», в котором городской голова Куцин, для увеселения знатного перса Рахат Хелама велит с пожарной каланчи бить тревогу, тревога состояться не могла, так как пожарные все были в бане!).

Однажды, Антон Павлович проснулся ночью и, в первый раз в жизни, попросил жену позвать врача. Ольга Леонардовна вспомнила, что по близости от гостиницы проживали два русских студента. Она разбудила их и попросила сбегать за доктором. Сама она стала раскладывать лед, чтобы положить его на сердце больного. Но Антон Павлович остановил ее: на пустое сердце льда класть не стоит. Врач сделал впрыскивание камфорного масла, но воздействия оно не имело. (Нынче средство это уже считается устаревшим). Антон Павлович, как известно, сказал доктору по-немецки, что умирает, выпил предложенный ему врачом бокал шампанского, заметил по-русски, что он давно не пил его, лег на левый бок и спокойно скончался.

Гроб с телом Чехова был привезен в Москву в зеленом вагоне, на дверцах которого была надпись белой краской: «для устриц». (Как бы это его развеселило). С тем же поездом, из Манчжурии был доставлен в Москву гроб с телом генерала Келлера. Когда он был вынесен, часть небольшой толпы, собравшейся встретить писателя, пошла за гробом генерала и была крайне удивлена, что Чехова хоронят под звуки военной музыки. (Немировская позаимствовала описание похорон Чехова из воспоминаний о нем Горького, и я могу привести продолжение в русском оригинале).

«Когда ошибка выяснилась, некоторые веселые люди начали ухмыляться и хихикать. За гробом Чехова шагало человек сто, не

болѣе; очень памятливы два адвоката, оба в новых ботинках и пестрых галстуках — женихи. Идя сзади них, я слышал, что один — Е. А. Маклаков, говорил об умѣ собак, другой, незнакомый, хваливал удобства своей дачи и красоту пейзажа в окрестностях ея. А какая-то дама в лиловом платьѣ, идя под кружевным зонтиком, убѣждала старика в роговых очках: «Ах, он был удивительный малый и так остроумен...» Впереди процессии величественно ѣхал толстый околоточный на толстой бѣлой лошади».

Когда русскіе критики хотѣли отозваться о Чеховѣ с похвалой, — пишет Немировская, — то они сравнивали его рассказы с повѣстями Мопассана. Мопассан — большой художник, который в настоящее время понапрасну недооцѣнен, говорит она. Но его рассказы часто капоминают безукоризненно налаженный механизм, тогда как в рассказах Чехова мы имѣем дѣло с живыми людьми, со всѣми их плохими и хорошими качествами. К тому же, Мопассан, так же как и Меримэ, в своих повѣствованіях приводит какой-нибудь исключительный случай из жизни своих героев. Чехов же останавливается на фактах из будничной жизни их, и благодаря этому в его рассказах больше жизненной правды. Немировская весьма справедливо замѣчает, что секрет этот унаслѣдовала от Чехова Катерина Менсфельд, талантливая англійская писательница, уроженка Новой Зеландіи, бывшая большой почитательницей Чехова и умершая от туберкулеза в 1923 году, всего 33 лѣтъ от роду.

Я считаю, что Чехова напрасно сравнивают с Мопассаном. Общее между ними лишь то, что оба они писали рассказы, и писали их прекрасно. Походить на Мопассана Чехов не может, потому что произведение русскаго писателя никогда не может быть схожим с произведением писателя европейскаго. Уж каким западником был Тургенев, но развѣ его сочиненія похожи на рассказы или романы французских или англійских писателей? Чехов ни в каких сравненіях не нуждается. Он занял в міровой литературѣ, как драматург и как автор повѣстей совершенно особое, ему одному принадлежащее мѣсто. И занял он его не только как крупный писатель, но и как исключительный по своим моральным качествам человек.

Борис Раневскій